

И.С. КОН

ВСПОМИНАЯ О ЛЕВАДЕ

Записанное и опубликованное Д. Шалиным старое интервью Юрия Левады больше всего трогает тех, кто хорошо его знал, подлинностью интонаций. «Большая Левада», как его иногда называли друзья, был очень сердечным и искренним человеком.

Мы были знакомы с Юрой много лет. По моему глубокому убеждению, он был самым теоретически образованным и талантливым человеком в нашей когорте. Как он пришел в социологию, Юра рассказал сам, нет смысла пересказывать это. По складу мышления его интересовали преимущественно глобальные проблемы, но обсуждать их он хотел не спекулятивно, а на конкретном материале. Делать это в советское время было сложно. Живя в Ленинграде, я не бывал на его семинаре, но знаю, что атмосфера там была исключительно творческой и демократичной. Именно это позволило ему создать собственную интеллектуальную школу, сохранившуюся вопреки всем злоключениям и превратностям судьбы.

Интеллектуальная терпимость не делала его всеядным, иногда он мог быть даже жестким. Помню, как на одном из семинаров в Кярику он резко оборвал рассуждения Г.П. Щедровицкого. Я в тот раз видел Щедровицкого впервые, он мне понравился, и я спросил Юру: «Чего ты так на него окрысился?» — «В малых дозах это действительно интересно, но в больших несовместимо с предметным исследованием, а мы слушаем это постоянно», — ответил он. Кстати, с Щедровицким у них были хорошие личные отношения, тот к любой критике относился спокойно и готов был объяснять непонятное много раз. Что же касается подонков и неучей, то с ними Левада спорить не любил и говорить о них — тоже. Ему это было просто неинтересно.

В случае каких-то теоретических расхождений Юра не скрывал своих взглядов и возражений. В свое время мы оба были дружны с Ю.Н. Давыдовым, вместе бывали у них с Пиамой Павловной дома. Именно там я получил возможность прочитать «Зияющие высоты» А. Зиновьева. Первые разногласия с Давыдовым наметились у нас на каком-то семинаре по поводу оценки студенческой революции на Западе, которую Юрий Николаевич оценил отрицательно, тогда как мы с Левадой видели в ней важный стимул к социокультурному обновлению

Кон Игорь Семенович — доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. **Телефон:** (495) 137-55-76.
Электронный адрес: igor.kon@iname.com

общества. Помню, одну из своих книг Ю.Н. даже подарил Леваде с надписью «Несогласному Юре». Однако на личных отношениях теоретические расхождения, если они не становились политическими, не сказывались. Такой всесторонней атомизации общества, как в 1990-х, в советское время не было, прежде всего потому что реальные политические цели детально не обсуждались и казались одинаково утопическими.

Точного времени и обстоятельств нашего знакомства я не помню, но наши встречи всегда бывали сердечными. Кстати, я хорошо знал его отца, на которого Юра был очень похож. Интеллектуально нас сближали общие теоретические интересы, в том числе — к западной социологии. Большинство наших коллег-социологов читали преимущественно то, что относилось к сфере их узких профессиональных занятий, Леваду же интересовали общие, в том числе междисциплинарные, тенденции. Кажется, он был единственным московским социологом, который регулярно посещал выставку новых поступлений в ИНИОНе. Это способствовало формированию соответствующего стиля работы и мышления и у его учеников.

По складу характера он принадлежал к редкому типу мягких мужчин, у которых мягкость является проявлением не слабости, а спокойной, свободной от агрессивности и показухи силы. Это особенно ярко проявилось, когда его начали организованно травить. Ситуации, когда тебя надолго подвергают остракизму, — очень трудное психологическое испытание. Некоторые люди при этом ломаются, чувствуют себя и выглядят пришибленными. Другие принимают героическую позу, требуя от окружающих поклонения и восхищения. Третьи вживаются в роль мученика, которому все должны сочувствовать. Все это создает психологический дискомфорт для окружающих, независимо от того, как они на самом деле относятся к этому человеку. Ты чувствуешь себя в чем-то перед ним виноватым, а это неприятно. У Юры ничего похожего не было (другой подобный пример в моей жизни — Борис Фирсов). Думаю, это произошло не потому, что он прилагал какие-то специальные усилия, а потому, что интеллектуальные интересы были для него важнее собственной персоны. Его мышление было проблемным. Сделанную работу он не считал достойной разговора не из скромности, а потому что это был уже пройденный этап. Левада был для многих образцом и учителем, но в нем не было ни капли мессианства.

Наши отношения были очень доверительными, мы могли говорить обо всем, вплоть до проблемы эмиграции. В 1970–1980 гг. эта тема стала для многих не только социальной, но и личной. Отношение к ней было неоднозначным. Уезжавших обязательно надо было публично осуждать, для этого были и личные мотивы — их эмиграция влекла за собой серьезные неприятности для оставшихся. Внутреннее

отношение к ней было сложным. С одной стороны, утечка мозгов нас огорчала, потому что на месте уехавших оставались зияющие черные дыры, а там, куда они уехали, они, за редкими исключениями, материально не страдали, но всерьез востребованы не были. Во всяком случае, это требовало долгого времени. Мы говорили об этом с Юрой, который особенно переживал по поводу своего любимого ученика Давида Зильбермана. С другой стороны, нельзя было не признать право человека на свободу выбора, тем более что будущее, как почти всегда в России, казалось бесперспективным (блоковское «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?»). Характерно, что хотя социологи старшего поколения лучше многих других людей понимали тупиковость советского режима и не слишком привечались властями, лишь немногие из них покинули страну. Иногда, в особенно темные времена, хотелось послать все к черту, но личные связи, моральные обязательства перед товарищами и нежелание бросать начатое дело (как выразился один коллега, «я слишком много вложил в эту страну, чтобы ее бросить») перевешивали.

Юра был исключительно обязательным и доброжелательным человеком. Когда он руководил ВЦИОМом, я часто обращался к нему за данными, и не было случая, чтобы он просьбу забыл или не выполнил.

Появление Левады во ВЦИОМе было неожиданным. По складу своего мышления и направленности интересов он был, прежде всего, теоретиком, и если бы кто-то до перестройки сказал, что ему предстоит руководить центром по изучению общественного мнения, он, вероятно, просто засмеялся бы. Но в эпоху быстрых социальных трансформаций классические социологические модели оказались неприменимыми. Структурный функционализм лучше приспособлен к анализу стабильных структур и ретроспективному объяснению долгосрочных процессов, а интеракционизм и феноменология для подобной тематики слишком камерны. К тому же на науку не было ни времени, ни денег. Едва ли не единственным доступным (и финансируемым) источником социальной информации стали массовые опросы. Сами по себе оперативные опросы вряд ли были Леваде особенно интересны, да и количественными методами исследования он, в отличие от Бориса Грушина и Бориса Фирсова, раньше не занимался. Однако он пытался за текущей информацией политического характера нащупать общие тенденции социального развития, динамику ценностных ориентаций «простого советского человека» — и сделал это блестяще. В этой историко-теоретической ориентации заключается главное отличие работы «Левада-Центра» от аналогичных зарубежных исследований. Может быть, я скажу нечто бестактное, но мне кажется, что этот интерес к общим проблемам позаимствовали и некоторые более молодые центры (например, ФОМ), и это скорее хорошо, чем плохо. Извлечение глубинного смысла из, прямо скажем, не очень богатых эмпирических данных требует развитого социологического

воображения, которым обладают далеко не все. Но я уверен, что в дальнейшем, когда наша жизнь станет историей, опросы «Левада-Центра» останутся ценным историческим источником, как и уникальные исследования Б.А. Грушина. И если кто-нибудь применит к их анализу современный математический аппарат, он, возможно, извлечет из них и нечто такое, чего мы еще не знаем.

У Юры давно было плохое здоровье. Помню, как однажды, когда мы были на какой-то конференции в Сан-Франциско, перед самым отлетом ему внезапно стало очень плохо, но он сказал, что все пройдет, вызывать врача не надо. С помощью моего друга психолога Филиппа Зимбардо я с трудом посадил его в машину, а потом в аэропорту мы всей командой везли грузного Леваду на багажной тележке, а он нас уговаривал не волноваться. Между прочим, в это время он был не только всемирно известным ученым, но и членом Президентского совета... Он не любил ни жаловаться, ни качать права, ни обременять других своими заботами, хотя сам на чужие беды всегда откликнулся.

Жизнь Юрия Левады — не только интеллектуальный, но и нравственный пример. Ученые нашего поколения не могли активно сопротивляться власти, все находилось в руках государства, несогласный мог только уйти, в крайнем случае — хлопнув дверью. У Юры такой опыт был. И когда в 2003 г. власть начала зачистку информационного поля, Левада не стал ни писать слезных писем президенту, ни устраивать шумные митинги протеста, все и так было ясно. Но он ушел не один, а со всем своим творческим коллективом. Другого такого опыта я не знаю. Я горжусь тем, что этот нравственный почин в очередное тяжелое время осуществили мои коллеги-социологи.